

Когда Чон Аён ушел, Бак Инбо закрыл лицо руками. Несмотря на то, что Хваджа была потеряна, она все еще была его ребенком. Конечно, он должен был волноваться.

"Это я виноват, что не воспитал ее должным образом. Это все моя вина".

Бак Инбо с сожалением вздохнул. Хвадже было 13 лет, когда она нарисовала Большую Медведицу на бедре Му Ссанга. В таком возрасте она должна была понимать, что это неправильно. Конечно, это была вина ее матери, которая заставила ее сделать это, но все равно Хваджа смеялась, когда жгла его плоть.

Он должен был приучить ее к дисциплине в раннем возрасте. Теперь он пожинает последствия пренебрежения этой обязанностью. Он тоже не был нормальным, хлеща толстым кожаным ремнем. Госпожа Чан пробормотала, изучая его лицо. Это сильно раздражало Бак Инбо.

"Что? У тебя есть какие-то другие дела?"

Госпожа Чжан не могла этого сказать. Между ними была непробиваемая стена. Если бы она попросила у него немного денег за использование операций компании, то, по ее мнению, он просто обругал бы ее. Просить его купить акции ей тоже не хотелось. Ее гордость не позволяла этого сделать. Мисс Чжан собрала свою сумочку и встала.

"Берегите себя".

пробормотала г-жа Джанг и вышла из кабинета генерального директора.

"Берегите себя? Если бы она имела в виду хоть малейшее значение этих слов, я бы сразу же помогла ее семье".

Бак Инбо бросил убийственный взгляд в сторону двери. Их неудачные отношения доставляют неудобства и другим.

Госпожа Чжан покачала головой. Когда-то он был семьей, но теперь стал ее заклятым врагом, она предпочла бы убить и забыть, вместо того чтобы эти мысли преследовали ее, как липкая мокрота.

"Уходи! Ты неблагодарный. Я кормила и одевала тебя, а тебя вот так предали. Иди и сдохни!"

Мисс Чжан взорвалась. Ей было мало того, что ее низкорослый муж-импотент обращался с ней, как с бродячей собакой. Мало того, что его ничтожный сотрудник уволил ее. Или то, что ее собственный сын предал свою и без того изолированную мать и встал на сторону ее несчастного мужа. Ее дочь пропала. Все эти события смешались в ее голове.

Красный туман покрывал землю. С земли поднялся призрак в синем ханбоке и черной традиционной корейской шляпе.

Его лицо было бледным, как гипс, а глаза налились кровью. Это был ее умерший шурином, Бак Джинбо. Он зарычал: "Как ты посмела потревожить мой сон? Ты будешь проклята!"

"Нет!"

Г-жа Чжан прижалась к стене, дрожа. Ее глаза побелели, и у нее пошла пена изо рта. Техноцветные галлюцинации - обычный симптом нарушения работы фузиформных клеток лобной доли.

"Мама!"

Утак, потрясенный, побежал в ванную. Он выплеснул полный таз воды на лицо госпожи Чжан. Он привык к припадкам матери, которые повторялись несколько раз с прошлого года. Лечение врача было простым. Всякий раз, когда она начинает видеть нереальные вещи, ее нужно несколько раз ударить или облить холодной водой.

Г-жа Чжан открыла глаза и осмотрелась. Ее расфокусированный взгляд блуждал по пространству.

"Что случилось с призраком Чинбо?"

"Мама, проснись! Нет никакого призрака!"

крикнул Утак. Госпожа Чжан рассеянно смотрела на своего сына. Это было почти смешно. Призрак, которого она видела, когда замышляла отравить мужа и старейшин семьи, появился снова. Конечно, у любого обычного человека после этого случился бы душевный срыв, но госпожа Чжан - не обычный человек. Тем не менее, ее твердая решимость осталась непоколебимой, несмотря на только что произошедшую безобразную сцену.

"Я не собираюсь умирать. Я - старшая дочь семьи Чжан".

Она встала и вошла в ванную.

"Черт!"

Утак пнул свой чемодан. Хотя он и ненавидел ее, она все равно была его матерью. Она разрушила их семью, но он не мог просто бросить ее после того, что случилось.

"Му Ссанг, я завидую тебе. Твой отец и мать любили тебя. Я даже любил их больше, чем своих собственных родителей. Вот почему я ненавидел тебя".

Утак глубоко вздохнул.

На следующий день, чуть позже полудня, в дом ворвались старейшины ее семьи. Это стало обычной семейной сценой, повторяющейся снова и снова на протяжении многих лет. Ее двухэтажная усадьба больше не была домом ее семьи, а превратилась в штаб-квартиру для операций ее семьи.

"Добро пожаловать!"

Мисс

Чжан поприветствовала их неохотно. Она уже знала, что они скажут. Как и ожидалось, ее дядя, Чан Гён Мо, заговорил еще до того, как сел на диван.

"Ты спросила своего мужа?"

Это больше походило на допрос, чем на вопрос. Взгляд госпожи Чжан остановился на редких бровях дяди. Ей захотелось вырвать оставшиеся пряди прямо там и тогда. Но она не могла этого сделать, когда все вокруг смотрят.

"Из-за Хваджи я не могла даже затронуть эту тему".

Она выразила свое недовольство тихим вздохом. Эта корона больше не была похожа на уважаемых старейшин, а скорее на призраков.

"О чем ты говоришь? Вся наша семья идет к собакам. Один сумасшедший не должен иметь значения".

Мисс Чжан бросила на него злобный взгляд.

"Разве у вас нет детей и внуков? Какая мать будет закрывать глаза на то, что ее ребенок пропал? Вы не должны говорить такие вещи".

"Я не должна говорить такие вещи?"

Чан Гён Мо тоже бросил на нее злой взгляд.

"Он не сказал ничего плохого. Но если она была тебе дорога, почему ты позволил ей стать наркоманкой? Все знают, что в семье Чжан есть наркоман. Наша репутация достигла дна. Мне очень стыдно".

Тетя Накдонг вспыхнула. Госпожа Чжан посмотрела на нее. Они баловали ее, когда она владела компанией. Теперь они так с ней обращаются.

"Вы затеяли драку, не так ли?"

Все они сговорились обвинять ее всякий раз, когда ситуация ухудшалась. Она почувствовала боль в виске, как будто ее клевал дятел. Мисс Чжан надавила на это место руками.

"Пожалуйста, следите за своим ртом".

Чан Гёнджу взглянул на дочь и попытался урезонить брата. Он обратился к брату Чан Гён Мо, но его взгляд был устремлен на жену. Накдонг Дэк поклонился и удалился, не сказав ни слова. Может, они и попали в беду, но люди в семье Чжан все еще уважали основную традиционную иерархию.

"Мы были ослеплены жадностью".

Чан Гён Мо посмотрел на своего брата и глубоко вздохнул.

Он считал себя одураченным своей племянницей. Но его жадность была главной причиной того, почему он оказался в этой ситуации. Он считал, что когда они станут крупными акционерами "Хянсима", им больше не нужно будет вести переговоры с фермерами-арендаторами. Их дети будут иметь гарантированную работу навсегда. Такие слова были слаще очищенного сахара, неудивительно, что они пошли на все.

25 октября 1981 года он купил облигацию ЦБ, которую даже не до конца понимал. Он был готов на все, даже если бы это стоило ему души. Но если бы он купил ее на свои собственные деньги, сейчас бы это не было проблемой.

Кошмар начался, когда он взял кредит в Samsik Capital. Он потерял 50 маджиги высококачественной пади в качестве процентов и еще 150 в качестве оплаты за фактическую сумму займа. Затем он конвертировал жалкие облигации ЦБ в акции.

Его семья и другие родственники вскоре последовали его примеру, не выдержав высокой процентной ставки и цены конвертации. Все их ЦБ были конвертированы в акции по цене 28

000 вон за акцию в мае 1984 года. В конце концов, спустя два года и семь месяцев, они сдались, их бремя ушло. В конце концов, это было хорошее решение. Несмотря на обстоятельства, они смогли сохранить то, что у них есть, и предотвратить дальнейшие потери.

Ставка дивидендов "Хянсим" выше - 12 процентов на акцию, но если учесть цену конвертации, то она составляет всего 2,1 процента. Тем не менее, это было лучше, чем облигация ЦБ, по которой годовая процентная ставка составляет всего один процент. В итоге он продал 375 маджиги пади за 17 857 акций. Он также взял кредит на 300 000 000 вон. Учитывая все расходы, он купил пакет акций в 5 000 вон по цене 50 000 вон. В результате дивиденды по его акциям после уплаты налогов составили 8 900 000 вон. Если бы он положил ту же сумму на сберегательный счет, то получил бы проценты в размере 80 000 000 вон. Это, безусловно, было возмутительно.

Компания Samsik Capital потрясла всю их семью до глубины души.

Но никто не знал, что муж их старшей дочери Бак Инбо был человеком, стоящим за "Самсик Кэпитал". Сам Бак Инбо тоже понес тяжелый урон. После покупки обширных сельскохозяйственных угодий семьи Чжан под именем Samsik Capital ему стало не хватать денег. В итоге ситуация оказалась проигрышной.

Семья Чжан конвертировала все свои ЦБ в акции. У Чан Гису и Чан Сангсу было 53 571 акция. У Чан Пилнёо было 17 857 акций. У Чан Гён Мо было 17 857 акций. Чан Кёнтэк и Чан Кённам имели 17 857 акций. 117 142 акции были выпущены вновь. В результате общее количество акций увеличилось до 507 142 акций.

Доля Бак Инбо снизилась до 41 процента с 208 000 акций. Доля Чан Гису и его брата снизилась до 22,4 процента с 113 571 акцией. Чан Пилнёо - 11,4 процента с 57 857 акциями. Чан Хыя с братьями и сестрами - 7,9 процента с 40 000 акций. Чан Гён Мо - 3,5 процента с 17 857 акциями. И, наконец, Чан Гён Тхэк и его брат - 3,5 процента с 17 857 акциями. Другие акционеры имели 10,3 процента с 52 000 акций.

Бак Инбо: 41 процент с 208 000 акций.

Семья Джанг: 40,8 процента с 207 142 акциями

Чан Хуиджа и сестры: 7 процентов с 40 000 акций.

Другие акционеры: 10,3 процента с 52 000 акций.

В итоге доли Бак Инбо и Джангов оказались примерно одинаковыми. Большинство акционеров, а также Чан Хуиджа и ее братья и сестры стали теми, кто принимает решения. Все шло по плану Бак Инбо.

Семья Чжан не могла участвовать в принятии решений, несмотря на свои огромные акции, так как все акционеры были на стороне Бак Инбо. Бак Инбо поверил, что они будут на его стороне, когда пообещал Му Ссангу руль компании. Так они и сделали.

Семья Джанг понесла огромный ущерб. Одних только процентных выплат было достаточно, чтобы задушить их, и они потеряли 4 000 маджиги для Samsik Capital. Но даже в этом случае они все еще не были свободны от выплаты процентов.

Оставшиеся 60 маджиги пашни предназначались для банковского обеспечения.

По сути, у них было всего 20 маджиги нетронутых грядок. За вычетом расходов на ведение хозяйства, годовая прибыль не превышала даже 3 000 000 вон. В конце концов они смогли расплатиться с ростовщиком, но процентные платежи банку все еще оставались.

Из-за долгов их жизнь пошла под откос. В главном доме семьи дела еще шли относительно неплохо, но остальная недвижимость рискует быть проданной с аукциона.

Возможно, вы сможете выдержать все это, но я не могу". Кёнтэк и Кённам тоже страдают. Она сказала нам, что заплатит за наши интересы, но через три месяца перестала. Поэтому нам пришлось отдать свои земли компании Samsik Capital, чтобы освободиться от этих выплат".

пояснил Чан Гён Мо. Как бы плохо ни складывалась ситуация, он не мог сердиться на брата. Однако если так будет продолжаться и дальше, их семья разрушится.

"У матери Утака тоже не все в порядке с финансами. Тем не менее, акции стоят 36 000 вон каждая".

"Вот почему мы просим Бака о помощи. Если он купит наши акции, мы наконец-то сможем быть свободными. Мы не сможем управлять компанией, но мы сможем выжить. Она нам это должна".

Чан Гён Мо бил себя в грудь. Чан Гёнджу был в ярости, потому что понимал, что чувствует его брат. Но его зять внезапно изменился и даже бросил свою жену. Он ничего не мог поделать. Чан Гёнджу бросил обвиняющий взгляд на дочь. Если бы их брак был удачным, они смогли бы выдержать конфликт. Но теперь они даже не могли выносить друг друга.

"Хм!"

Чан Гёнджу прочистил горло и закрыл рот. Зять обращался с ним как с крепостным. Теперь он был не лучше чужака. Он должен был уйти сам, иначе они не смогут выбраться из этой передраги.

"Давайте снова воспользуемся свиным афродизиаком".

предложил Чан Чису, притаившийся в углу, сверкая глазами.

"Нет."

Чан Гёнджу покачал головой.

"У нас нет возможности отравить его сейчас.

В своей компании Чон Аён проверяет все, что пьет. У него нет любимого ресторана. Его врача нельзя подкупить. Невозможно".

добавил Чан Сангсу.

Чан Гён Тхэк, закусив губу, промолвил.

"Прости, Кёнджу. Но я собираюсь подать на твою дочь в суд за мошенничество. Вчера я встречался со своим адвокатом. Он согласен, что все произошедшее в достаточной степени является мошенничеством".

Его слова были неожиданными и шокирующими, особенно в этой традиционной семье. В

гостиной воцарилась тишина. У Чан Гёнджу, Чан Гёнгмо, Чан Пилнё и Чан Сангсу рты были открыты от шока. Все остальные ничего не сказали и просто уставились в потолок или пол.

В семье Чжан наконец-то проросло семя раскола. Ситуация настолько плоха. Раздор, который устроил Бак Инбо, наконец-то случился.

"Что? Подать на меня в суд? Все, что я делала, было на благо моей семьи, а не только моей собственной. Как вы можете говорить такое?"

пронзительным голосом запротестовала г-жа Чжан.

<http://tl.rulate.ru/book/75373/2166330>